

ЭРНЕСТ
СЕТОН-ТОМПСОН

ВСЁ О...

РАССКАЗЫ
О ЖИВОТНЫХ

МАЛЕНЬКИЕ
ДИКАРИ

Лось
Медвежонок
Дикий — Боевой Кошка
Мустанг-инкодеи
Домно
и другие истории...

Эрнест Сетон-Томпсон

Маленькие дикари

Max Levenkov

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128095

Все о... Рассказы о животных. Маленькие дикари: Азбука-классика;

2007

ISBN 5-352-00277-2

Аннотация

Книга, которую захлеб читали десятилетия назад и будут читать с таким же восторгом еще десятилетия спустя. Книга, со страниц которой веет духом настоящих приключений – приключений добрых и веселых приключений, о которых мечтал, мечтает и будет мечтать всегда любой ребенок. Перед вами – «Маленькие дикари» Сетон-Томпсона. «Золотая классика», не подвластная времени.

Содержание

Часть первая	5
I. Ян	5
II. Весна	8
III. Братья Яна	9
IV. Книга	11
V. Незнакомец	13
VI. Гленьян	17
VII. Хижина	19
VIII. Знакомство с лесной жизнью	21
IX. Следы	23
X. Бидди	25
XI. Перелом	26
XII. Рысь	27
Часть вторая	30
I. Новый дом	30
II. Сэм	33
III. Вигвам	37
IV. Бабушка Невилль	47
V. Калерб	54
VI. Постройка типи	59
VII. Тихий вечер	62
VIII. Священный огонь	67
IX. Лук и стрелы	72

Х. Плотина

79

Конец ознакомительного фрагмента.

80

Эрнест Сетон-Томпсон

Маленькие дикари

Часть первая

Гленьян

І. Ян

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие его сверстники, двенадцатилетние мальчишки, он больше всего любил книги про индейцев и книги о жизни зверей и птиц.

Но в те далекие годы об этом писали мало. В библиотеке Ян нашел лишь «Скандинавских охотников» Ллойда, «Ботанику» Грэя и две-три повести Фенимора Купера. Мальчик перечитывал их без конца.

Отец Яна никогда не интересовался его увлечениями, но, решив однажды, что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил и думать о них.

Между тем учился Ян хорошо и был в числе первых учеников, хотя в классе занимались ребята и старше его.

Ян рос послушным, робким мальчиком, но тут, впервые в жизни, он не подчинился воле отца. Правда, Ян не стал

перечить ему открыто, но зато начал хитрить и при всяком удобном случае норовил улизнуть в лес или в поле. Ни от кого не таясь, он часами следил там за птицами, разглядывал неизвестные ему цветы и травы.

Из школы Ян возвращался всегда самым извилистым путем. Ему непременно хотелось пройти мимо магазина, где за стеклом была выставлена картина, на которой два терьера ловили крысу. Напротив находилась табачная лавка, где в витрине стоял слон, нагруженный тюками. А в магазине на соседней улице торговали дичью. Ян обычно разглядывал там битых уток, а когда их не было, любовался оленьей головой; она-то всегда оставалась на своем месте. Немного дальше был меховой магазин, где красовалось великолепное чучело медведя. На Джерви-стрит стоял дом с высокой террасой, под которой, как ему рассказывали, держали раньше медведя на цепи. С тех пор прошло много лет, но мальчику доставляло большое удовольствие ходить мимо места, с которым было связана такое необычайное событие. На углу улиц Грэнд и Пэмбертон когда-то убили хорька, и школьники утверждали, что после дождя запах зверька чувствуется до сих пор. И когда сырым, туманным вечером Ян попадал на этот перекресток, он с наслаждением вдыхал воображаемый запах.

Но больше всего времени Ян проводил, прижавшись носом к витрине мастерской чучел на улице Мэн. Чего тут только не было! Головы лис и кошек, шкура волка, олени

рога и, наверное, больше пятидесяти чучел птиц. На некоторых – удостоенных чести быть выставленными на ежегодной ярмарке – висели ярлычки с названиями. Эти надписи мальчик хранил в памяти, словно сокровенную тайну, хотя, как потом выяснилось, многие названия оказались не совсем верны.

Год спустя или, может быть, немногим более, у Яна возник отчаянный план. Он должен побывать в самой мастерской! Прошло несколько месяцев, прежде чем Ян решился на этот шаг. Попроси он хозяина просто показать ему всякие диковинки, едва ли тот отказал бы мальчику.

Но на такой подвиг ему не хватало смелости. И все-таки однажды Ян вошел в мастерскую. Как страшно зазвенел дверной колокольчик! Затем наступила еще более угрожающая тишина, и перед мальчиком появился мистер Сэндер, хозяин магазина.

– Сколько... сколько стоит эта сова на витрине? – запинаясь, вымолвил Ян.

– Два доллара, – ответил мистер Сэндер.

И тут мужество покинуло Яна. Опрометью бросился он на улицу. Ведь ни разу в жизни у него не было столько денег! Он не слышал, что кричал ему вслед хозяин. Ян был испуган, пристыжен, и его не покидало чувство, что он побывал в необыкновенном царстве и оказался недостойным там остаться!

II. Весна

Больше всего Ян завидовал жизни индейцев. Каждой весной его непреодолимо тянуло отправиться бродить по белу свету. С первым пробуждением природы душу его охватывало трепетное волнение. При виде диких гусей, с призывными криками летевших на север, у Яна словно кровь закипала: ему хотелось лететь вместе с ними.

Многие школьные товарищи Яна говорили, что «любят весну», а девочки даже «обожали» это время года, но никто из них не мог понять, почему так ярко сверкали глаза Яна, когда наконец наступала весна, почему его неудержимо влекло вон из душного класса.

– Если бы я мог убежать отсюда! – с волнением восклицал он.

Только одно удерживало его от бегства из дому с индейцами или цыганами – это страх перед отцом.

III. Братья Яна

У Яна был брат Рэд, старше его двумя годами. Учился Рэд гораздо хуже Яна, за что очень сердился на него и никогда не упускал случая показать Яну свое превосходство в силе.

Как-то раз, забравшись под дом, Ян неожиданно очутился в яме, где можно было выпрямиться во весь рост. И он подумал, что было бы неплохо устроить здесь свою рабочую комнатку – мастерскую. Ян знал, что если к его просьбе присоединится и Рэд, который пользовался в семье репутацией «здравомыслящего», то разрешение отца будет получено. Рэд тут же согласился и даже сказал, что уговорит отца сам. Так он и сделал.

Мальчишки взялись за работу. Много дней ушло на то, чтобы углубить яму с трех до шести футов.¹ Ян после школы сразу принимался за дело, а Рэд всегда находил тысячу причин, чтобы не браться за лопату.

Ян не раз с восторгом рассуждал о том, что они будут делать в своей мастерской. Рэд нехотя соглашался, отдавал распоряжения и уходил.

Наконец стены были возведены, а в дверцу даже вставлен замок. Ян сиял от счастья и гордости! Он вымел пол и сел на самодельную скамью, чтобы еще раз оглядеть свою мастерскую, как вдруг Рэд сказал:

¹ фут – единица длины, равная примерно 30,5 см

– А теперь выйдем и запрем дверь.

Это решение показалось Яну очень важным. Они вышли.

Рэд запер дверь и спрятал ключ в карман. Потом, обернувшись к Яну, он холодно и жестко сказал:

– Запомни – чтоб ноги твоей здесь не было. Разрешение отец давал мне одному.

Другой брат, Алнер, моложе Яна на полтора года, был с ним одного роста, но на этом их сходство исчерпывалось. Алнер был большой хвастунишка и лентяй. Ему страшно хотелось как-нибудь отличиться. Безразлично как, лишь бы о нем все говорили. Но он никогда и пальцем бы не шевельнул, чтобы достичь своей цели. Каждое утро братья шли вместе в школу – таков был наказ отца. Но там они почти не встречались. Братьев ничто не связывало; они были слишком разные. Алнер не разделял увлечений Яна, и поэтому не удивительно, что с каждым днем Ян все больше отдалялся от своих братьев.

IV. Книга

Однажды Ян прочел в газете, что в свет вышла книга «Птицы Канады».

Никогда раньше он не считал деньги такой необходимой вещью, как теперь. «Если б у меня был доллар!» – думал мальчик. Ян откладывал каждую монетку, которая попадала в его руки, и наконец, спустя полтора месяца, стал обладателем заветной суммы! Чувствуя себя самым богатым человеком на свете, он побежал в книжную лавку. Ян просто сгорал от нетерпения; на какую-то секунду ему показалось вдруг, что книга стоит тысячу долларов и к тому же ее уже нет в продаже. Но этого не случилось. Хозяин лавки повернулся к стопке книг и спросил Яна:

– Вам в какой обложке – зеленой или красной?

– В зеленой, – ответил Ян, все еще не веря в свое счастье.

Хозяин взглянул на книгу и сказал равнодушно:

– Девяносто центов.

– Девяносто центов! – изумился Ян.

Откуда же было ему знать, что книга, пролежавшая некоторый срок, становилась дешевле? А сколько труда стоило ему собрать последние десять центов!

По дороге домой Ян с благоговением перелистывал страницы. Правда, в книге он не нашел того, что искал, но обвинял в этом самого себя. Ян перечитывал ее от корки до

корки, не сомневаясь, что именно эта книга откроет ему тайны природы. Лишь спустя несколько лет Ян понял, что книга эта – беспомощная стряпня, которой так часто угощают непросвещенную публику. И все же там были кое-какие полезные сведения: названия птиц и несколько десятков никуда не годных рисунков.

V. Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло в лес. Как-то в один из солнечных апрельских дней Ян отправился в небольшой лесок, неподалеку от города. Лес был полон незнакомых цветов, птичьего гомона, таинственных шорохов. Казалось, каждое дерево и каждый куст говорили с Яном на своем языке. А из глубокого, полного воды оврага доносился странный свист. «Пи-ип, пи-ип, пи-ип!..» – словно кто-то просил Яна подойти и посмотреть. Ян подбирался все ближе. Вдруг совсем рядом прозвучал и тут же смолк громкий свист. Под бревном Ян увидел маленькую ящерицу. Заметив мальчика, она тут же юркнула в норку. Это было единственное живое существо, которое Ян разглядел. И он решил, что то была «свистящая ящерица».

Потом долгое время Ян лежал у небольшого озерка, но там он никого не приметил. Видно, мальчик распугал всех лесных обитателей. Ян было направился к другому озерку как вдруг совсем рядом послышались шаги.

Ян оглянулся и увидел незнакомца, наблюдавшего за ним. Мальчик покраснел и очень смутился, словно его застали на месте преступления.

Незнакомец, человек средних лет, в поношенной одежде, выглядел несколько странно. За спиной у него была жестяная коробка, в руке он держал сачок на длинной палке. Об-

ветренное лицо, обрамленное седой бородкой, было сурово, но глаза светились умом и мягкостью. Когда незнакомец снял шляпу, подставив разгоряченное лицо ветру, то оказалось, что у него такие же густые волосы, как у Яна. Спутанные, жесткие, они напоминали морскую траву, прилипшую к старому утесу.

– Что ищешь, дружок? – обратился он к мальчику.

– Ничего, – смущенно ответил Ян. – Просто мне хотелось посмотреть на свистящую ящерицу. Незнакомец улыбнулся и сказал:

– Сорок лет назад я вот так же, как ты, лежал у пруда и высматривал там «весеннего пискуна». Я лежал целый день и еще много дней подряд, прежде чем года через три понял, в чем дело. Тебе не придется терять столько времени. Пойдем, я покажу его.

Пошарив руками в листьях у самого берега озерка, он поймал маленького, не больше дюйма в длину, лягушонка.²

– Вот твоя «свистящая ящерица»! Это лягушка. Она высовывает из воды только нос, и ее трудно заметить. Возьми ее домой, корми хорошенько, и, может быть, увидишь когда-нибудь, как она раздует горлышко и свистнет, словно паровоз.

Теперь уж Ян осмелился рассказать незнакомцу о ящерице, которую видел под бревном.

– Едва ли это ящерица, – сказал тот, – здесь их совсем

² дюйм – единица длины, равная примерно 2,5 см

не видно. Это, наверное, тритон. А ящерица – та же змея, только с ногами.

Тут уж мальчик совсем засыпал незнакомца вопросами и рассказал ему о книге, которую купил с таким большим трудом. К удивлению Яна, тот очень рассердился, услышав имя автора, а саму книгу назвал «бессмысленной ерундой».

Незнакомец рассказал Яну, что таинственная черная птица, которую он видел в поле, называется «тоухи». Неизвестный голос, нежно распеваящий по утрам в лесу, принадлежит серому дрозду.

Чудесная птица с красной шапочкой на голове, желтоватыми крыльями и таким же хвостом, выставленная в чучельной мастерской, – дятел. Иволга и ориол оказались одной и той же птицей.

Над ними пролетела черная бабочка, и Ян узнал, что это Кэмбервельская красавица, видно перезимовавшая где-то, потому что ей еще не время порхать в лесу. И вдобавок Яну стало известно, что появилась эта бабочка из обычной бурой гусеницы. В синей вышине проносились большие стаи диких голубей, и незнакомец рассказал Яну о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, как в поисках пищи они стремятся весной на север за крылатыми орешками канадского вяза, в августе – на рисовые поля в Каролину, а в сентябре – в долины Миссисипи, где созревают желуди бука и дуба.

Проходя по небольшому холму, поросшему сосной, они вспугнули двух крупных птиц, с треском и шумом подняв-

шихся над деревьями.

– Глухари полетели, – сказал незнакомец. – Эта пара живет где-то здесь, поблизости, и прилетает сюда за ягодами грушицы.

Ян нагнулся, сорвал несколько ягод и стал жевать их на ходу. Вдруг вдалеке послышался треск, напоминающий легкую барабанную дробь.

– Что это? – воскликнул Ян.

– Глухари токуют, – ответил его спутник. – Те птицы, которых ты сейчас видел.

Этот день навсегда сохранился в памяти Яна. И яснее всего запомнились не птицы и растения, о которых он узнал, а запах грушицы.

Индейцы знают, что запах сильней всего пробуждает воспоминания, и многие из них хранят на память о счастливых минутах пригоршни сосновых игл, комок крысиного мускуса или еловую смолу.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец сказал Яну:

– Ну, мне пора. Может, еще встретимся, дружок, – и протянул мальчику руку.

Ян горячо пожал ее, но, по застенчивости, не решился даже узнать имя своего спутника.

Он спохватился, когда незнакомец уже скрылся из виду. И сколько потом Ян ни бродил по лесу, надеясь снова встретить его, им никогда больше не довелось увидеться.

VI. Гленьян

Что за дивную песнь пели в тот год дикие гуси! Их трубный зов проникал в душу Яна, и сердце его ответно трепетало. Это была песнь о мирном гнездовье, о подвигах на чужбине, о голоде и жажде. Песнь о черных больших болотах, низком закатном небе и о сияющем солнце!

Разве то была новая песнь? Нет! Дикие птицы пели свою старую песню, и только Ян словно впервые услышал ее.

Стараясь понять ее смысл, Ян брел по их безлюдному пути, к северу и только к северу, вверх по реке, выбирая самые пустынные места. Река свернула к востоку, но небольшой ручей впадал в нее с севера, и Ян пошел вдоль ручья, сквозь лес, по узкому ущелью, которое вскоре привело его в долину, поросшую редкими деревьями. Светлый ручей журчал под сенью огромных берез, сосен и вязов. В их ветвях мелькали красные белки. На берегу ручья Ян отыскивал следы хорька, выдры и еще каких-то зверюшек.

Место это было столь уединенное, что Яну не стоило большого труда убедить себя, будто он первый открыл его и, как первооткрыватель, имеет право присвоить долине свое полное имя – Гленьян.

С той минуты мальчик только и думал что о своей долине. Улучив свободную минутку, он уходил туда. Иногда ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью; часто Ян

мечтал снова встретить того незнакомца и привести его в свою долину.

Это был его собственный мир, который ему указали дикие гуси, подобно тому как чайки некогда провели Колумба в Новый Свет.³

Когда отец продал свой участок земли, Ян очень огорчился. Но теперь, завладев лесным уголком, где росли могучие деревья, Ян словно ожил. Он мог подолгу вглядываться в густые кроны деревьев, сидеть у прозрачного ручья, где серебристыми стрелками проносились уклейки. Яна не оставляло чувство, что весь лесной мир принадлежит ему.

³ так с 1541 г. называют американский континент

VII. Хижина

У Яна не было ни топора, ни лопаты, и все-таки он принялся строить хижину. Для нее Ян выбрал укромное место, скрытое со всех сторон густой листвой.

Он и сам толком не знал, зачем ему нужно было прятаться от кого-нибудь, но он не раз читал в книгах, что настоящие следопыты устраивали свои убежища в местах, недоступных для посторонних взглядов.

Ян частенько вспоминал об инструментах, которые хранились в мастерской Рэда, но, наученный горьким опытом, не хотел посвящать брата в свои замыслы.

Самодельной лопатой он принялся рыть яму на берегу ручья. Отвердевшая глина плохо поддавалась, но Ян, проработав без устали два свободных дня, вырыл яму в семь футов длиной и четыре шириной. Здесь он и собирался возвести хижину.

Но как сложить хижину из трех десятков стволов, если в руках лишь самодельный топор? И все же Ян не стал искать себе другого. Его ободряла мысль, что индейцы едва ли владели лучшими орудиями.

Ян начал подбирать материал, который мог пригодиться для постройки. Другие на его месте, наверное, собрали бы сперва все необходимое, но Яну не терпелось поскорей увидеть свою хижину готовой, и он сразу стал строить стены.

В них нельзя было найти и двух одинаковых бревен: одни были слишком длинные, другие короче, третьи совсем кривые. Некоторые почти сгнили – ведь такие было легче срубить. Скоро Яну пришлось идти на поиски, так как поблизости материала больше не было. Он вспомнил, что в полумиле от городка видел груды бревен.⁴ Несколько воскресений Ян усердно перетаскивал их. Девять из них пошли на стены, а три остались для стропил. Он положил их на равном расстоянии друг от друга и прикрыл ветвями. Поверх настлал кору вяза, затем накопал глины и хорошенько обмазал всю крышу, утопав ее и подровняв по краям. Чтобы крыша не очень выделялась среди листвы, Ян разбросал по ней всякой зелени.

Наконец-то, после многих недель упорного труда, его лесное жилище было готово!

⁴ миля (сухопутная) – единица длины, равная 1609 м

VIII. Знакомство с лесной жизнью

Пока Ян строил свою хижину, он ничего не замечал вокруг. Теперь его занимала одна мысль – поселиться в лесу или хотя бы провести здесь несколько дней.

Ян понимал, ему надо очень много знать про лес и его обитателей, и он с жаром принялся читать книги, в которых можно было найти ответы на то, что его так волновало.

Ян сделал себе лук и стрелы. Правда, они оказались никуда не годными, и все же Ян чувствовал себя настоящим индейцем. Обручи старой бочки пошли на железные наколенники для стрел. Эти стрелы Ян назвал «боевыми» за их устрашающий вид. Когда стрела вонзалась в дерево, он издавал победный клич.

В эти минуты мальчик воображал, что сразил свирепого врага.

Из обрывка овечьей шкуры Ян соорудил себе жалкое подобие мокасин. Старый сломанный нож, которым шпаклевали щели, он превратил в «боевое оружие» и сшил для него ножны из обрезков кожи. Несколько плиток акварельной краски и осколок зеркала, вставленный в расщепленную палку, позволяли Яну изображать на своем лице «индейскую татуировку».

Все необычное, что ему попадалось в лесу – изогнутые сучки, перья птиц, даже старый коровий рог, – он тащил в

свою хижину. Ян и сам не мог бы объяснить, чем привлекали его эти вещи. Из ракушек он сделал себе «индейское» ожерелье. Часами лежал он на солнце, подставив лицо жарким лучам, и бесконечно радовался, когда родные замечали его темный загар.

Он старался во всем подражать индейцам: ходил носками внутрь, ломал ветки, обозначая свой путь, определял время по солнцу, выражал свое удивление односложными восклицаниями, которые произносил на индейский манер гортанным голосом.

Из бересты Ян мастерил разную посуду, сшивая края тонкими корешками. Донышки он выстругивал из дерева, а щели замазывал смолой так, что посуда не пропускала воду.

Однажды во дворе своего городского дома Ян увидел странную птицу. Мальчик успел даже набросать рисунок, пока она спокойно рылась клювом в земле. Птица была пепельного цвета с золотистыми крапинками на голове и около хвоста. На крылышках белели длинные полосы. Ян перерыл все книги, которые только смог достать, но так и не нашел названия этой птицы. И только много лет спустя он узнал, что это был птенец дубоноса.

Ян рисовал по памяти многих птиц, которые ему попадались на глаза. Однажды у него возникло сомнение – рисовали ли индейцы всяких зверей? Но, вспомнив, что они украшали свои щиты и жилища изображением птиц или животных, с радостью продолжал свое любимое занятие.

IX. Следы

Как-то раз у ручья на мокром песке Ян обнаружил чьи-то следы и для памяти срисовал их. Ему пришло на ум, что это след енота, и он показал свой рисунок одному знакомому.

– Это в натуральную величину? – спросил тот Яна.

– Да.

– Пожалуй, ты прав, – сказал тот. – Похоже на лапу енота. Осмотри хорошенько все деревья около того места, где ты нашел их. Может быть, увидишь дупло, тогда огляди кору около него, и, если заметишь волоски, значит, там живет енот.

При первом же удобном случае Ян отправился в свою долину. На большой липе ему посчастливилось найти несколько клочков шерсти. Как же узнать, действительно ли они принадлежат еноту? Тут Ян вспомнил, что у одного из учеников была старая енотовая шкурка. Сравнив свою находку с ней, Ян убедился, что держал в руках клочки настоящей енотовой шерсти.

Как-то Ян заметил растение, похожее на раскрытый зонтик. Он выкопал его с корнем и на конце одного корешка увидел продолговатую белую луковичку. Ян откусил кусочек; по вкусу она напоминала свежий огурец. Просмотрев школьный учебник ботаники, Ян обнаружил в перечне растений название «индейский огурец». По описанию это впол-

не подходило к растению, которое он выкопал.

В другой раз Ян пожевал листья одного незнакомого растения – так, он слышал, поступали индейцы. Но очень скоро мальчик почувствовал острые боли в животе. В ужасе поспешил «индеец» домой. Мать дала ему выпить разведенной в воде горчицы, а когда убедилась, что ее сыну не грозит никакая опасность, отодрала его хорошенько за уши.

Х. Бидди

В доме у родителей Яна появилась новая служанка по имени Бидди.

Гуляя как-то с детьми, Бидди нарвала ворох трав и рассказала, что ей было о них известно:

– Это ветка сассафраса, настой его листьев помогает при болезни кожи. Кошачью мяту пьют от простуды. Вот теуга. Из ее коры добывают розовую краску. А зеленую – из маслянистого ореха.

Ян слушал Бидди, затаив дыхание, стараясь запомнить каждое ее словечко.

Ян слышал, что индейцам были известны свойства многих листьев и трав, и ему захотелось побольше узнать об этом.

XI. Перелом

В один из воскресных дней, наколов, как обычно, двойную порцию дров для кухни, Ян отправился в лес. Он уже подходил к своей хижине, как вдруг до него донеслись оттуда грубые, громкие голоса. Ян подкрался ближе. Дверь была приоткрыта, и мальчик увидел в хижине трех бродяг. На полу валялись растоптанные ракушки, в костре около двери догорали его лук и стрелы.

Не помня себя от горя, Ян бросился в глубь леса. Как ненавидел он этих людей, осквернивших его дом! Когда два часа спустя Ян вернулся, на месте своей хижины он увидел одни развалины.

Это случилось в конце лета. Пришла осень с холодными дождями и коротким днем. Ян уже больше не ходил в свою долину; он много читал, прилежно учился. Но день ото дня становился все бледнее, а под Новый год совсем заболел.

ХII. Рысь

Прошла зима, и к марту Ян почувствовал себя окрепшим. Он совершал долгие прогулки и как-то солнечным днем отправился с собакой за город. Свежий воздух вливал бодрость, и Ян, сам того не замечая, избрал дорогу, ведущую в Гленьян.

Неожиданно на снегу он заметил большие странные следы. Они походили на медвежьи, но были коротковаты и глубоко проваливались в снег.

Собака обнюхала следы и не выразила никакого желания идти дальше. Но Ян все же пошел вперед. След вел мимо развалин хижины, пересекал ручей по бревну, и с каждым шагом Ян все больше убеждался, что этот след принадлежит крупной рыси. Грипп – так звали пса – умел отлично лаять, но теперь, обнюхивая след, упрямо плелся сзади и только жалобно скулил.

Ян выбрал себе дубинку и продолжал идти вперед. Они были уже в густой чаще, когда Ян вдруг услышал густой, похожий на кошачий крик: «Яу! Яу! Яу!»

Ян замер. Пес задрожал и приник к его ноге. Крик все нарастал, и неожиданно Ян увидел зверя. Это была настоящая рысь. Пес в ужасе бросился в сторону, оставив мальчика одного. Ян был безоружен, и ему ничего не оставалось делать, как последовать примеру Гриппа.

О своей встрече с рысью Ян решил рассказать Рэду. У брата было ружье, и Ян спросил его:

– Ты бы пошел на хорошую охоту?

– Еще бы!

– Я знаю одно местечко, милях в десяти от города, – там полно всякого зверья.

– Так я и поверил!

– А вот увидишь. Я тебе покажу, если не проболтаешься.

– Идет.

– Я сейчас видел там рысь, и если мы пойдем туда с ружьем, то непременно убьем ее.

Ян подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, и мальчики решили пойти на охоту в следующее воскресенье. Ян, подражая индейцам, долго и путано вел Рэда к тому месту, где он впервые заметил следы. Но, не дойдя до тропинки, они встретили человека, продиравшегося сквозь кусты. На плечах он нес убитую рысь.

Мальчики забросали охотника вопросами, и тот рассказал, что убил ее накануне. Рысей в округе не было; по-видимому, эта забрела сюда случайно, пробираясь с севера.

Убитая рысь была крупным зверем. Полосы на голове и широко раскрытые желтые глаза придавали ей удивительное сходство с тигром.

Этот случай был далек от настоящего приключения, но Ян запомнил его надолго. Мальчика радовало, что он смог верно определить зверя, о котором знал лишь из самых по-

верхностных описаний.

Часть вторая

Сэнгер

І. НОВЫЙ ДОМ

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий, худой, он очень быстро рос, и доктор посоветовал отправить его на год в деревню.

Вот как получилось, что Ян поехал жить к Уильяму Рафтену в Сэнгер.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в таверне, они поехали домой. Там Яна провели в большую кухню, служившую одновременно и столовой и гостиной. Оглядевшись, Ян увидел за печкой длинного, нескладного мальчишку с рыжими вихрами, темными раскосыми глазами и лицом, вероятно, самым печальным на свете.

– Сэм, иди познакомься с Яном, – сказала миссис Рафтен.

Сэм робко вышел вперед, вяло подал руку Яну и, сказав протяжно: «Здра-асте», снова спрятался за печку, откуда украдкой разглядывал гостя.

Все занялись своими делами, и Ян, оставшись один, почувствовал себя очень несчастным.

Ян трудом привык к мысли, что ему придется оставить

школу. Он молча подчинился приказу отца. Но под конец уже сам с нетерпением ждал дня отъезда. Ведь он уезжал из Боннертона всего на год, а жизнь в деревне обещала ему много радости! Жить на вольном воздухе, среди лесов и полей – вот где его ожидало настоящее счастье.

Но теперь, когда он очутился в чужом доме, ему стало вдруг очень тоскливо. Ян кусал губы и усиленно моргал глазами, с трудом сдерживая слезы. Миссис Рафтен сразу поняла, что с ним происходит.

– Он по дому скучает, – объяснила она мужу. – Завтра успокоится.

Миссис Рафтен взяла Яна за руку и повела наверх, где ему была приготовлена постель. Минут через двадцать она снова поднялась посмотреть, хорошо ли он устроился. Подоткнув со всех сторон одеяло, она наклонилась к нему и вдруг заметила, что лицо его мокро от слез.

Миссис Рафтен прижала голову мальчика к себе и несколько раз поцеловала его.

– Не огорчайся, – сказала она, – завтра все пройдет.

Откуда взялась эта тоска и куда исчезла, Ян и сам не знал. На следующее утро он бодро вскочил с постели – его ждал новый, удивительный мир!

Уильям Рафтен был владельцем нескольких ферм и содержал их в отличном порядке. Ему пришлось немало пережить. Бесчисленные удары судьбы ожесточили его. Он был суров в обращении с людьми. Никто не смел ослушаться его.

Но близкие ему люди знали, что у этого дельного, умного человека бьется горячее сердце ирландца.

Почти неграмотный, он благоговел перед ученостью и решил, что не пожалеет никаких денег, чтобы дать детям своим образование, которое, как он считал, заключалось в умении бегло читать.

Плохого отношения к животным Рафтен не терпел.

«Человек не смолчит, если его обидят, – говорил он, – а у кого найдет защиту бессловесное животное?»

В округе Рафтен был единственным фермером, который никогда не продавал и не отдавал на убой старую лошадь. «Она, бедная, трудилась всю свою жизнь и заслужила, чтобы ее кормили до последнего дня», – повторял он.

Поэтому Дункан, Джерри и другие лошади долгое время жили у него «на покое».

Миссис Рафтен, славная женщина, очень любила свой дом и семью.

У Рафтеных родилось много детей, но в живых остались только пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме были сразу определены – он должен был присматривать за птицей, а иногда кормить свиней и телят. Кроме того, он помогал Сэму в разной работе по дому.

Дела было много, и Рафтен требовал, чтобы мальчишки усердно трудились. Зато в часы досуга им предоставлялась полная свобода.

II. Сэм

Сэм Рафтен говорил медленно, растягивая слова, и потому на первый взгляд казался глуповатым. На самом же деле это было далеко не так.

После того как мистер Рафтен познакомил Яна с домом, Сэм открыл ему все потайные уголки.

Отворив дверь в темную комнату, которая была похожа на подвал, и отыскивая на ощупь закрытое окно, Сэм сказал:

– Тут наша гостиная.

В комнате было душно и пыльно, ведь открывали ее только по воскресеньям, но здесь мальчики нашли то, что немедленно сблизило их обоих: коллекцию птичьих яиц. Яйца лежали на подстилке из отрубей в старой коробке под стеклянной крышкой. На них не было ни одного ярлычка, и настоящий коллекционер вряд ли удостоил бы их взглядом. Ян же, с внезапно пробудившимся интересом и симпатией, спросил:

– Любишь такие штуки?

– Еще бы! – сказал Сэм. – Я бы набрал вдвое больше, да отец не велит. Пусть, говорит, побольше птиц на ферме живет.

– А ты знаешь, какие у вас птицы водятся?

– А как же! Я тут про всех птиц в округе знаю: где они живут, как вьют гнезда.

– А мне можно принести из лесу несколько яичек?

– Нет, отец сказал, что даст пострелять из ружья кроликов, если я перестану разорять гнезда.

– Здесь и кролики есть?

– Прошлой зимой я троих добыл.

– Зимой! – разочарованно протянул Ян. – А теперь?

– Теперь их не найдешь. Но я что-нибудь придумаю. Вот как закончу всю работу, попрошу у отца ружье.

«Как закончим работу» было излюбленное выражение в семье Рафтенгов. Они говорили это всякий раз, когда откладывали что-нибудь на неопределенное время.

Сэм открыл нижнюю дверцу буфета и вытащил оттуда несколько кремневых наконечников стрел, найденных во время пахоты на поле, челюсть бобра, пойманного еще в первые дни жизни в Сэнгере, и растрепанное чучело совы.

Увидав эти «сокровища», Ян только и смог воскликнуть:

– Вот это да!

Сэм обрадовался, что семейные ценности произвели на Яна такое впечатление.

– Это отец убил сову на гумне, – объяснил он.

Мальчики быстро подружились.

Днем, работая вместе на ферме, они поведали друг другу свои тайны. После ужина Сэм шепнул Яну:

– Что я тебе сейчас покажу! Только поклянись никому не говорить.

– Клянусь! – немедленно ответил Ян.

– Пошли в сарай, – сказал Сэм. На полдороге Сэм вдруг

сказал:

– Забыл я взять кое-что. Ты иди в сад, встретимся там под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм шепнул Яну, хотя кругом не было ни души:

– Иди за мной.

Он повел Яна в другой конец сада, к бревенчатой хижине, служившей теперь сараем, в которой они жили до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись по лестнице на чердак. Там, в самом дальнем углу, Ян снова поклялся вечно хранить тайну. После этого Сэм порылся в старой коробке и извлек оттуда лук, стрелы, ржавый железный капкан, большой нож, рыболовные крючки, кремьень с огнивом, коробку спичек и какой-то грязный, похожий на сало кусок, который, по словам Сэма, был сушеным мясом.

– Понимаешь, – сказал он, – я всегда хотел быть охотником. А отец говорит, что я должен стать зубным врачом, потому что охотой много не заработаешь. Но я все равно хочу быть охотником! Как-то отец выпорол меня и Бада. Это мой брат, он умер в прошлом году. Ну вот, отец выпорол нас за то, что мы с Бадом не накормили свиней. И тогда Бад надумал бежать к индейцам, и я тоже хотел удрать вместе с ним. Но Бад хотел взять отцовское ружье, а я сказал, что это будет воровством. Мы даже с ним подрались, но потом я сказал ему: «А вдруг с нас скальпы снимут? Мне мои волосы еще

не надоели. В конце концов, отец нас не убил». И мы с Бадом были сами виноваты – ведь одна свинья даже сдохла с голоду. Так мы и остались дома, хотя я больше всего на свете хотел стать охотником.

Ян выслушал друга и в свою очередь рассказал, как построил в лесу хижину, как любил играть там и как ее разорили бродяги.

– Твой отец не будет сердиться, если мы построим хижину в лесу? – спросил Ян.

– Ну, что ты! Только сначала сделаем всю работу.

III. Вигвам

На следующий день они решили взяться за постройку. Закончив работу на ферме, мальчики пошли в лес выбирать подходящее место. Небольшой ручей, который они важно называли рекой, протекал по лугу и, пробившись сквозь живую изгородь, продолжал свой бег в лесу. Углубляясь в чащу, ручеек подбирался к болоту, поросшему кедром, где уже не было тропинок. Сэм сказал, что дальше, за болотом, хороший бугор. Шли туда долго, в обход, но зато место оказалось действительно превосходное: высокое, сухое. Ян был в восторге. Сэм тут же вынул топор и хотел приняться за работу, но Ян, который все утро мечтал об этой минуте, сказал:

– Сэм, давай играть в индейцев.

– Это еще зачем? – удивился Сэм.

– Чего только индейцы не умеют делать! Разве белый охотник заметит след ноги в мокасине на гранитной скале? Он побоится идти в лес с одним только ножом. А лодку из березовой коры ему ни за что не сделать... Послушай, Сэм, – продолжал Ян, – ведь мы же хотим быть настоящими охотниками! Так давай станем индейцами и будем все делать, как они.

В конце концов предложение Яна показалось Сэму заманчивым, и он согласился «чутьочку поиграть в индейцев».

– Но индейцы не живут в хижинах! – не успокаивался

Ян. – Нам надо строить типи!

– Пожалуй, это было бы очень неплохо, – сказал Сэм, который не раз видел типи на картинках, – но из чего строить?

– Индейцы, которые живут на равнине, делают типи из шкур животных, – уверенно объяснил Ян, – а лесные индейцы – из березовой коры.

– Но у нас хватит березовой коры на типи для бурундука, не больше!

– Ну, сделаем из коры вяза, – тут же нашелся Ян.

– Это уже лучше, – сказал Сэм. – Прошлой зимой мы срубили много вязов, и с них нетрудно содрать кору. Но сперва давай начертим план.

Об этом Ян и не подумал, но Сэм был приучен работать иначе.

Ян стал припоминать, какие жилища индейцев он видел на картинках.

– Кажется, типи была такой формы. – Ян нацарапал изображение индейской палатки на гладком стволе. – Здесь торчали шести, тут, наверху, было отверстие для дыма, а внизу – вход, что-то вроде двери...

– Похоже, ты никогда не видел ни одной типи, – снисходительно заметил Сэм. – Можно попробовать. Какого же она будет размера?

Было решено сделать типи высотой и шириной в восемь футов.

Через несколько минут Сэм срезал четыре длинных ше-

ста, и Ян тут же отнес их на выбранное место чуть выше по реке.

– А чем мы их свяжем? – спросил Ян.

– Веревками, чем же еще?

– Раз мы живем в лесу, то и все должны брать из лесу.

Настоящей веревкой нельзя.

– Придумал! – вдруг обрадовался Сэм. – Когда отец делал изгородь вокруг сада, он связывал шесты ивовой лозой.

Через несколько минут они старательно перевязывали шесты упругими ивовыми прутьями. Но это оказалось нелегко: скользкие прутья то и дело соскакивали и падали на землю. Мальчики совсем растерялись и подумывали уже, не скрепить ли шесты травяным жгутом, когда неожиданно сзади кто-то насмешливо фыркнул. Ян и Сэм обернулись. Заложив руки за спину, совсем рядом стоял мистер Рафтен. Похоже было, что он давно наблюдал за ними.

Мальчики опешили. У мистера Рафтена была особенность вырастать словно из-под земли там, где что-нибудь затевалось. И если затея была ему не по душе, он едко высмеивал ее. Мальчики с нетерпением ждали, как отнесется Рафтен к их строительству. Если б они занимались этим в рабочее время, нетрудно догадаться, как посмотрел бы на это хозяин фермы, но теперь ребята были свободны, и Рафтен, испытующе оглядев мальчиков, медленно сказал:

– Эй, ребята!

У Сэма отлегло от сердца: начало было неплохое.

– Зачем вы попусту тратите время и возитесь с ивовыми прутьями? Ими шестов не свяжешь. Взяли бы лучше веревку из сарая.

Мальчики вздохнули с облегчением, но даже это мирное и дружеское вступление могло обернуться потом хорошей взбучкой. Поэтому Сэм выжидающе молчал. Но Ян пояснил:

– Мы играем в индейцев и можем пользоваться только тем, что растет в лесу.

– А кто ж вам запрещает? – спросил Рафтен.

– Тогда будет не по правилам.

– Ах, вот в чем дело, – удивленно проговорил Рафтен. – Теперь понятно.

Он внимательно огляделся вокруг и, подойдя к низкому кустарнику, спросил:

– Ты знаешь, что это такое, Ян?

– Нет, сэр, – произнес мальчик.

– Ну-ка, посмотрим, хватит ли у тебя сил сломать ветку.

Ян напрасно гнул ветку с тонкой блестящей кожицей, она никак не поддавалась.

– Это кожаное дерево, – сказал Рафтен. – Им и пользуются индейцы. В первое время мы тоже брали его вместо веревок.

– Видишь, – сказал Сэм с довольной улыбкой, когда Рафтен ушел, – отец не сердится, если работа сделана. И как же я сам об этом дереве не вспомнил! Ведь мне говорили, что в старое время, когда веревок было мало, вещи вязали этими прутьями. А индейцы, я слышал, вязали ими своих пленни-

ков.

Мальчики нарезали прутьев, скрепили ими шесты наверху, и каркас типи был готов. Посоветовавшись, они опоясали шесты обручем из толстого ивняка и накрепко привязали его прутьями кожаного дерева. Для большей устойчивости мальчики прикрепили к обручу четыре коротких шеста, воткнув их концами в землю. Теперь остов типи можно было обшивать корой.

Мальчики пошли к старым вязам, срубленным прошлой зимой, и снова Сэм показал, как он умело орудует топором. Он надсек кору на стволе сверху вниз, поддел ее топором, вбил несколько клиньев и осторожно снял большой кусок. С трех кражей они добыли много коры.

Сэм предложил прибить ее гвоздями к подпоркам, но это привело Яна в ужас: ведь индейцы никогда не пользовались гвоздями!

– Ну, а чем же, по-твоему, они прибивали? – спросил Сэм.

– Они вязали ремнями и... и... может, делали деревянные гвозди.

– Но ведь у нас подпорки из твердого дерева. В сосну вобьешь только дубовые гвозди, и то надо заранее просверлить дырки в шестах, иначе ничего не получится. Я сбегая домой за буравчиком.

– Ну, Сэм, это все равно что нанять плотника! Давай играть по-настоящему. Придумаем что-нибудь. Может, скрепить их прутьями кожаного дерева?

Сэм вытесал острый дубовый колышек, а Ян проколол им кору по краям, пропустил сквозь эти дырочки прутья кожного дерева, и покрытие для вигвама было готово. Но когда мальчики вошли внутрь, они с огорчением заметили, что стены светятся дырками. Заделать их все было невозможно, потому что кора трескалась во многих местах. Мальчики заткнули только самые большие щели. Теперь им предстояла самая важная и таинственная церемония – развести костер в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал спички.

– Что это ты! – удержал его Сэм. – Разве у индейцев есть спички?

– Правда... – смутился Ян. – Но у меня нет ни кремня, ни огнива. А как добыть огонь трением, я не знаю. Неужели мы из-за этого останемся без костра?

– Нет, огонь у нас будет! – уверенно сказал Сэм, – Доставай свои спички. Вигвам без костра – то же, что старое птичье гнездо или дом без крыши.

Ян чиркнул спичкой и поднес ее к хворосту. Но спичка погасла. Вторая и третья тоже.

– Смотрю, ты не очень-то умеешь разжигать костер! Дайка я тебе покажу. Пусть белый охотник поучит индейца, как жить в лесу, – хитро улыбнулся Сэм.

Сэм наколот топором тонкие лучинки от сухого соснового корня и на концах каждой настругал пучок стружек.

– Верно! – обрадовался Ян. – Я видел на картинке индейца

с такой палочкой.

Сэм зажег спичку, и через минуту в вигваме весело затрещал огонь.

– Это бабушка Невилль научила меня. Она все-все про лес знает.

– Кто такая бабушка Невилль? – спросил Ян.

– Старая колдунья. Она живет в домике у излучины реки.

– А нет ли у нее внучки Бидди? – Ян неожиданно вспомнил, что у него была подружка родом из Сэнгера.

– Конечно! – воскликнул Сэм. – Бидди – она молодчина: здоровая, сильная. Умеет делать все.

Устроившись на подстилке из еловых веток, Ян сказал:

– До чего ж хорошо!

– Мы как настоящие индейцы! – ответил Сэм. Он сидел по другую сторону костра. – Послушай, Ян, – вдруг добавил он, – не подкладывай больше веток, здесь очень жарко, и потом, что-то неладно с трубой. Может, засорилась...

Костер горел ярко, а дыму все прибавлялось. Маленькое отверстие наверху дым, наверное, принял за ошибку и упрямо не желал покидать через него вигвам. Он выбивался во все щели, вырываясь из двери клубами, но большая часть дыма, казалось, была вполне довольна вигвамом, и через несколько минут дым выкурил оттуда обоих индейцев. Из глаз у них лились слезы, и настроение совсем упало.

– Похоже, – заметил Сэм, – что мы перепутали отверстия. Видно, дверь надо было сделать вверху, раз дым только и

хочет выходить через нее.

– У индейцев тяга хорошая, – сказал Ян, – и белый охотник должен знать, как это делается.

– Может, нам закрыть дверь, тогда дым поневоле потянется в трубу, – предложил Сэм.

Так и сделали. Сначала дым повалил вверх, но потом снова стал набиваться в вигваме.

– Будто выползает из щелей, а труба его обратно всасывает! – огорчился Ян.

События оборачивались очень печально. Им так хотелось посидеть в вигваме около костра! Но мечта рушилась: дым невыносимо щипал глаза.

– Может, лучше построить хижину? – предложил Сэм.

– Нет, – сказал Ян, – у индейцев получается, выйдет и у нас. Надо только разобраться как следует.

Все их попытки что-нибудь исправить ни к чему не привели. Вигвам по-прежнему наполнился дымом. Кроме того, внутри было тесно и неудобно: ветер проникал во все щели, которых становилось все больше, потому что кора вяза высыхала и трескалась.

Как-то в лесу их застал проливной дождь. Мальчики хотели укрыться от него в своем унылом жилище, но потоки воды хлынули через дымовое отверстие, в щели и трещины.

– Да тут льет сильнее, чем снаружи! – сказал Сэм, выбегая из вигвама.

Ночью разразилась сильная гроза, и на следующий день

мальчики нашли на месте своего вигвама только груды коры и палок.

Однажды за столом Рафтен, как обычно сурово, спросил мальчиков:

– Ну что, построили вигвам?

– Его буря снесла, – ответил Сэм.

– Как же так?

– Не знаю. И сидеть там нельзя было – дыму набиралось полный вигвам.

– Плохо сделали, – сказал Рафтен и вдруг с интересом, который говорил о том, с какой радостью Рафтен присоединился бы к этой игре лет сорок назад, добавил: – Почему вы не сделали настоящую типи?

– А мы не знаем как, да и не из чего.

– Ладно. Работали вы хорошо, и я отдам вам за это старую покрышку с фургона. Кузен Берт помог бы вам, будь он здесь. Может, Кaleb Кларк знает? – сказал он, подмигнув одним глазом. – Спросите-ка его.

– А можно нам пойти к Калебу, отец?

– Как хотите, – ответил Рафтен.

Рафтен никогда не говорил впустую, и Сэм это знал. Поэтому, когда он ушел, ребята достали старую покрышку от фургона. Развернув ее, они увидели, что это большой кусок брезента. Мальчики спрятали его в сарае, который был отдан в их распоряжение, и Сэм сказал:

– Я бы прямо сейчас пошел к Калебу. Он наверняка лучше

других знает, как строить типи.

– А кто такой Калевб? – спросил Ян.

– Да это старый Билли. Он однажды стрелял в отца, после того как отец обхитрил его на лошадиной ярмарке.

Он чудак, этот Калевб. Долго был охотником и хорошо знает лес. Ну и влетит мне, если он догадается, чей я сын! Ладно, как-нибудь его проведем.

IV. Бабушка Невилль

Мальчики отправились к Калебу. Идти надо было вдоль ручья. Дойдя до излучины, они увидели маленькую бревенчатую хижину, перед которой копошились куры и разгуливала свинья.

– Здесь живет колдунья, – сказал Сэм.

– Бабушка Невилль?

– Да. Ну и любит же она меня! Как старая курица – ястреба.

– А за что?

– Наверное, за свиней. Но началось, пожалуй, с деревьев. Отец срубил много вязов, а она очень любила смотреть на них из хижины. Потом история со свиньями. Как-то ей пришлось туго зимой. Она пришла к отцу, и он купил у нее за семь долларов обеих свиней. Дома он сказал матери: «Похоже, у старухи плохи дела, отнеси ей в следующую субботу два мешка муки, картофеля и свинины». В общем, мама отнесла ей всякого добра долларов на пятнадцать. Старуха молчала, пока мама не сложила все в погреб, а потом накинулась на нее: «Мне не нужны ваши подачки!» Она разозлилась на нас, когда отец купил ее свиней, но совсем расвирепела, когда получила в подарок припасы.

– И не стыдно ей! – сказал Ян, сочувствуя Сэму.

– Нет, ты зря, – возразил Сэм. – Она просто чудачка. Ес-

ли сумеет, ни за что не даст срубить дерево. Весной бродит часами по лесу, садится около цветов и что-то шепчет им. И птиц тоже любит. Каждую зиму сама чуть с голоду не умирает – все птицам скармливает, которые слетаются к ее домику. Многие даже на руку к ней идут. Отец говорит, что птицы принимают ее руки за старые сосновые корни, а по-моему, она просто умеет их приласкать. Стоит на морозе не шевелясь и все приговаривает: «Милые вы мои»... Видишь наверху окошко? – спросил Сэм, когда они приблизились к домику бабушки Невилль. – Это чердак. Там у нее хранятся запасы всяких трав.

– Для чего?

– Лечит ими.

– Да, вспомнил! Бидди говорила, что ее бабушка лечит травами. «Травяной доктор» называла она ее.

– Доктор? Она ничутьючки не доктор. Просто знает в лесу каждую травинку. На чердаке трава лежит целый год, на ней спит кошка, вот от этого, наверное, трава и становится целебной.

– Мне бы хотелось посмотреть на нее, – сказал Ян.

– Я думаю, можно.

– А тебя она знает?

– Знает, – ответил Сэм. – Но я немножко схитрю. Больше всего на свете она любит больных. Сейчас сам увидишь.

Сэм закатал рукава, с пристрастием оглядел свои локти, но, видимо, безуспешно. Затем он стал пристально разгля-

дывать ноги. Конечно, у мальчишек всегда полно царапин и ссадин. Сэм выбрал лучшую из них – под коленкой большую царапину от гвоздя. Свинцовым карандашом он изобразил вокруг омертвевшую кожу, кожурой неспелого ореха добавил неприятный коричневато-желтый оттенок, и в результате получилось страшное, болезненного вида пятно. Пожевав какую-то траву, он выплюнул желто-зеленую жижу на платок и обвязал им свою «рану». Подняв с земли палку, Сэм заковылял к хижине. Когда мальчики были совсем близко, приоткрытая дверь с треском захлопнулась. Ничуть не испугавшись, Сэм подмигнул Яну и постучал. В ответ донесся лай маленькой собачонки. Сэм стукнул еще раз. За дверью слышался шорох, и снова все смолкло. В третий раз на стук Сэма в хижине кто-то пронзительно крикнул:

– Убирайтесь отсюда!

Сэм ухмыльнулся, а потом, растягивая больше обычного слова, сказал:

– Помогите бедному мальчику, бабушка! Доктора ничего не могут ему сделать.

Кстати, в последнем он был прав: чем мог доктор помочь здоровому мальчику?

Ответа не последовало, но Сэм решился открыть дверь.

В комнате перед печью, поблескивая покрасневшими глазами, сидела старуха с трубкой во рту. На коленях она держала кошку, а у ног сидела собачонка, которая сердито зарычала на чужих.

– Ты ведь Сэм Рафтен? – свирепо сказала старуха.

– Да, бабушка, – ответил Сэм. – Я наткнулся на гвоздь в заборе. Говорят, так кровь отравить можно. – Сэм постанывал немножко, охал и морщился.

Слово «убирайся» было забыто. Доброе сердце старухи прониклось сочувствием к пострадавшему. Ей было даже приятно, что недруг так смиренно просит ее о помощи.

– Давай погляжу, – буркнула она.

Пока Сэм, охая, пытался развязать отвратительные тряпки, обмотанные вокруг колена, в комнату вошла Бидди.

Она и Ян тут же узнали друг друга. Встреча их была очень теплой, и Бидди сразу засыпала Яна вопросами.

– Помнишь, я говорила тебе о бабушке, – сказала Бидди, – вот она. Бабушка, познакомься, это Ян. Я работала у его мамы. Верно ведь, Ян? А бабушка расскажет тебе про травы. Она это хорошо знает.

Сэм снова громко охнул, и все повернулись в его сторону.

– Это, кажется, Сэм Рафтен? – холодно сказала Бидди.

– Да, – кивнула бабушка, – он смертельно болен. Доктора отказались лечить его, и он пришел ко мне.

Словно в подтверждение ее слов, Сэм опять громко застонал.

– Дай ножницы, Бидди. Придется разрезать штанину, – сказала старуха.

– Нет, нет! – с неожиданной силой заговорил Сэм, с ужасом думая о том, как ему за это попадет дома. – Я могу за-

катать ее.

– Ну хорошо. Хватит так, – сказала старуха. – Да, да, тут у тебя дикое мясо. Я вырежу его, – и она стала рыться в карманах.

Сэм сообразил, что она ищет нож, и уже был готов ринуться к двери.

Но старуха вдруг передумала:

– Или лучше дам тебе кое-что выпить. Ян и Сэм с облегчением вздохнули.

– Вот. – Старуха протянула Сэму жестяную кружку с водой, куда она всыпала порошок из сухих толченых листьев.

Сэм выпил.

– Возьми эти ветки с собой и прокипяти их в двух галлонах воды.⁵ Пей настой каждый час по стакану. Потом два раза в день прикладывай к больному месту разрубленного цыпленка. И все у тебя пройдет. Только запомни: дважды в день свежего цыпленка.

– Может, индюшонка лучше? – простонал слабо Сэм. – Мама очень любит меня и денег не пожалеет.

Тут Сэм фыркнул: видно, смертельная опасность миновала.

– Что это за растение, бабушка? – спросил Ян, старательно избегая взгляда Сэма.

– Лесное.

– А как оно называется? И на что похоже?

⁵ галлон – единица емкости, в США равна примерно 3,7 л

– Само на себя похоже, а называется лещиной.

– Я как-нибудь покажу тебе, – сказала Бидди.

– Нам пора домой, – негромко вставил Сэм, – я чувствую себя лучше. Где моя палка? Вот, Ян, неси мое лекарство. Только осторожней.

Ян взял пучок веток. Бабушка просила заходить к ней и проводила их до двери.

– Да, постойте! – вдруг сказала она.

И, подойдя к единственной кровати, отвернула простыни, под которыми оказалась груда румяных яблок. Она вынула два самых лучших и протянула мальчикам:

– Я прячу их там от свиней. Таких хороших яблок у меня еще никогда не было.

– Еще бы! – прошептал Сэм тихо, чтобы не услышала старуха. – Ее сын Ларри выкопал эти яблони у нас в саду прошлой осенью. Это единственный зимний сорт. Только они сейчас нагрелись в постели.

– До свиданья, – сказал Ян. – Большое вам спасибо!

– Мне лучше, – вздохнул Сэм. – Не тянет больше. Теперь мне другого лекарства не нужно.

Выйдя из дому, Сэм хотел тут же забросить палку подальше, но Ян уговорил его хотя бы немного поволочить ногу, пока они не скроются из виду. К слову сказать, старуха сразу заметила перемену в походке Сэма и подозвала Бидди убедиться в том, как быстро помогли ее средства молодому Рафтену, когда «доктора уже совсем отказались от него».

– Теперь к Калебу Кларку! – сказал Сэм.

– Ты здорово шагаешь для хромого мальчика, которого отказались лечить врачи, – сказал Ян.

– Верно, это дикое мясо меня подгоняет.

– Давай спрячем ветки куда-нибудь, пока не вернемся, – сказал Ян, протягивая пучок лещины.

– Я-то их спрячу, – сказал Сэм и швырнул ветки прямо в реку.

– Зачем ты? Может, они бабушке Невилль нужны?

– Этому старому венику там и место. Хватит с меня, что я выпил того пойла. От него здорово несло кошкой.

Ян промолчал, но остался недоволен. Он считал невежливым выкидывать ветки так близко от дома старухи. И к тому же ему хотелось узнать, может ли оказать лещина какое-нибудь действие.

V. Калёб

В миле от этого места стояла хижина Калеба Кларка. Когда мальчики подошли поближе, они увидели, как высокий сутулый человек с длинной белой бородой вошел в дом, неся охапку дров.

– Видал старика? – спросил Сэм. – Пожалуй, начать разговор лучше тебе. С ним столкнуться не так легко, как со старухой, и потом, он тоже сердит на отца.

Ян нерешительно шагнул вперед и постучался в приоткрытую дверь. Из хижины донесся глухой лай собаки, и на пороге появился седобородый хозяин.

– Что вам надо? – спросил он.

– Вы мистер Кларк?

– Да. – И, обернувшись к рыжевато-черной гончей, сказал: – Молчать, Турок!

– Я пришел... мы хотели спросить у вас кое-что, если вы позволите.

– Зовут тебя как?

– Ян.

– А другой кто?

– Товарищ мой, Сэм.

– Мое имя Сэм Хорн, – сказал Сэм, и в этом была доля правды, так как полное имя его было Сэмюель Хорн Рафтен. Но эта небольшая хитрость, на которую он пошел, смутила

Яна.

– Откуда ты?

– Из Боннертона, – ответил Ян.

– Сегодня оттуда? – недоверчиво спросил Калев.

– Нет, но... – начал Ян.

И тут Сэм, который держался поодаль, чтобы Калев не узнал его, испугался, как бы его доверчивый друг не проговорился.

– Видите ли, мистер Кларк, – вмешался он, – мы остановились в лесу и хотели поставить себе типи, чтобы жить в ней. У нас есть материал, и нам сказали, что вы знаете, как это сделать.

– Кто сказал вам?

– Бабушка Невиль. Она живет у реки.

– А где вы живете теперь?

– Понимаете, – снова поторопился опередить своего друга Сэм, – мы уже построили в лесу вигвам из коры, но он получился плохой.

– В чьих лесах?

– В миле отсюда, у реки.

– Так, так. Это в лесу Рафтена или у Бернса.

– Да, наверное.

– А ты удивительно похож на Сэма Рафтена! – вдруг крикнул Калев. – Негодный мальчишка! Пришел и хочешь одурачить меня? Вон отсюда!

Ян покраснел и шагнул назад. Его товарищ, прикусив

язык, последовал за ним, но Сэм был сыном своего отца и поэтому, повернувшись к Кларку, сказал:

– Послушайте, мистер Кларк, я вам скажу всю правду: мы пришли сюда, чтобы вы объяснили нам простые вещи. Только вы один умеете строить типи. Я знал, что вы сердитесь на отца, поэтому схитрил немножко. Лучше было прийти и честно сказать: «Я сын Рафтена. Помогите мне». Я не думал, что вы так рассердитесь на меня и моего друга.

Между любителями леса издавна существует взаимная симпатия. Каждый из них готов поделиться своими знаниями с тем, кто захочет узнать о лесе побольше. У старого Калеба, угрюмого и раздраженного всякими невзгодами, было доброе сердце. Он вдруг позвал Яна и спросил его:

– Ты тоже Рафтен?

– Нет, сэр.

– Родственник их?

– Нет, сэр.

– Что ты хотел спросить у меня, мальчик?

– Мы построили вигвам из коры, но он никуда не годится. Теперь у нас есть брезент для типи, но, как ее сделать, мы не знаем.

– Ах, типи. Вот оно что... – сказал Калев задумчиво.

– Нам говорили, что у вас была когда-то типи, – отважился добавить Ян.

– Да, лет сорок назад. Но одно дело носить платье, а другое – сшить его. Кажется, она была устроена так... – И Калев

принялся рисовать угольком на куске оберточной бумаги. – Подождите-ка... Ага, припоминаю. Видел однажды, как индейские женщины делали типи. Сперва они сшили шкуры. Потом расстелили их на лугу. В середине верхнего края воткнули колышек. К нему привязали веревку с углем на конце и очертили полукруг на шкуре. По этой линии отрезали шкуру ножом, а из кусочков сделали два клапана и пришили их. Эти отверстия для дыма улучшают тягу. Вот и все. Думаю, что для типи в десять футов нужны десять шестов и еще два для дымовых клапанов. Сначала свяжешь вместе три шеста и воткнешь их в землю. К ним приставишь остальные, кроме одного, и перевяжешь покрепче веревками. К последнему шесту прикрепíš коротким ремешком брезент и приладишь его на место. Покроешь шесты брезентом и соединишь его края маленькими деревянными колышками. Два длинных шеста вставляются в дымовые клапаны. Ими будешь приспособлять отдушину к направлению ветра.

Калёб все время обращался к одному Яну, как бы не замечая стоявшего подле Сэма, но того, как и его отца, мало что смущало. Он предвидел еще много трудностей и поэтому решил задать Калёбу вопрос:

– Как закрепить типи, чтобы ее не сорвало ветром?

– Сделаешь так, – начал Калёб, по-прежнему обращаясь к Яну, – конец длинной веревки, которой ты обвязал вверху шесты,крепишь у столбика, врытого в землю, он послужит чем-то вроде якоря. Не забудь все края брезента прибить ко-

лышками к земле.

– Как устраивают дымовую тягу? – снова спросил Сэм.

– Раскачиваешь шестами клапаны, пока они не встанут по ветру.

– А как закрыть дверь?

– У некоторых типи края крыши просто заходят один за другой. Но в хороших типи делают дверь из того же материала, что и крышка; натягивают его на раму из гибкого дерева и прикрепляют шнуром к шесту.

Похоже было, что Калев кончил свой рассказ. Ян бережно сложил замусоленную бумагу, спрятал в карман и сказал:

– Спасибо!

Калев не ответил ни слова, но когда мальчики собрались уходить, сказал вслед:

– Где вы остановились?

– На холме у реки, в болотах Рафтена.

– Может, приду посмотреть, – добавил Калев.

– Приходите! – отозвался Сэм. – Держитесь меченой тропки от живой изгороди.

– Зачем ты говоришь неправду, Сэм? – спросил Ян, когда Калев уже не мог их слышать. – Ведь там нет никакой меченой тропинки!

– А я думал, так лучше, – спокойно ответил Сэм. – И потом, если хочешь, сделаем метки до прихода старика.

VI. Постройка типи

Рафтен был очень доволен, узнав, что мальчики все-таки ходили к Калебу и расспросили его обо всем.

– Старый Калев не так уж разбирается в устройстве типи, как я думал, – сказал Сэм.

– А по-моему, теперь мы спокойно можем взяться за постройку, – сказал Ян.

Мальчики разостлали на полу покрышку фургона, положили несколько камней по ее краям и даже вбили пару гвоздиков, чтобы она не двигалась с места. Но тут они страшно огорчились, увидав, что покрышка оказалась старой и разодранной.

– Теперь понятно, почему отец ее нам отдал, – сказал Сэм. – Пожалуй, ее надо сперва залатать.

– Нет, – сказал Ян властным тоном, как он говорил всегда, когда дело касалось лесной жизни, – лучше сначала раскроем, чтобы не чинить места, которые потом обрежем.

– Ты голова! Только заплаты не очень-то украсят типи.

– Ничего, – ответил Ян, – у индейцев тоже много заплат на типи в местах, где их пробивают пули или стрелы.

– Я очень рад, что не сидел в типи во время всех сражений, – сказал Сэм, указывая на многочисленные дырки.

– Отойди и дай-ка лучше мне веревку.

– Осторожней! – сказал Сэм. – У меня болит колено. Бес-

покоит так же, как в тот день, когда ходили к старой колдунье.

Ян не слушал его.

– Давай посмотрим, – сказал он, – может, мы обрежем все лохмотья и выкроим двенадцатифутовую типи. Двенадцать футов высотой – это значит двадцать четыре в диаметре. Здорово! Ну, я отмерю.

– погоди, – остановил его Сэм. – Калевб сказал, что индейцы отмечают головешкой; ты не имеешь права чертить мелом, тогда уже лучше плотника зови, – съязвил он.

– Ладно. Иди за головешкой, а если не найдешь, принеси ножницы.

Заглядывая поминутно в план Калеба, мальчики вырезали покрывку – это оказалось совсем нетрудным делом. Затем они принялись чинить дыры: взяли иглы, бечевку, но, хотя они и делали длиннющие стежки, работа подвигалась очень медленно. Сэм отпускал всякие шуточки по поводу каждого куска, который он сшивал. Ян работал сосредоточенно и молча. Сперва у Сэма стежки выходили ровнее, но мало-помалу Ян приноровился и стал шить даже лучше своего друга.

В тот вечер мальчики показали свою работу Си Ли. Он второй год работал у Рафтена на ферме. Посмотрев на покрывку с плохо скрытой равнодушной усмешкой, Си Ли сказал:

– Почему изнутри не залатали?

– Не догадались, – ответил Ян.

– Мы сами будем жить внутри, пусть у нас там будет красиво, – нашелся Сэм.

– Эту заплатку можно пришить четырьмя стежками, а не десятью, как у вас. – Си показал на большие, неуклюжие стежки. – По-моему, это пустая трата времени.

– Ну ладно! – не удержался Сэм. – Если тебе не нравится наша работа, посмотрим, как уделаешь ее ты! Шитья всем хватит.

– А где зашивать?

– Спроси Яна. Он тут главный. Старый Калев не хотел и говорить со мной. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Всю дорогу домой я ревел, верно, Ян?

– Надо пришить и подрубить дымовые клапаны, на их концах сделать карманы и... и... пожалуй, – робко прибавил Ян, – было бы лучше подрубить все края.

– Вот что: я все сделаю, – сказал Си, – если вы сходите сегодня к сапожнику и возьмете мои сапоги.

– Идет! – согласился Ян. – И знаешь что, Си? Все равно, какая сторона покрышки будет снаружи. Можно заплатки и внутрь поставить.

Мальчики взяли деньги, чтобы уплатить за сапоги, и после ужина отправились к сапожнику.

VII. Тихий вечер

Был тихий июньский вечер, на все голоса заливались птицы.

Когда мальчики вышли из своего сада, в небе показался ястреб. При виде парящего хищника птицы умолкли. Многие из них успели скрыться, лишь один жаворонок тщетно пытался спастись в открытом поле. Ястреб ринулся за ним.

Еще миг – и хищник схватил бы перепуганного певца, но тут с яблони сорвалась небольшая черно-белая птица.

Издав пронзительный боевой клич, взъерошив на голове перышки, из-под которых, словно боевое знамя, заалели нижние, огненные, она дерзко ринулась на ястреба.

«Клик-клик-клик! – разнесся ее яростный вопль. – Клик-клик-клик!»

Птица черно-белой стрелой вонзилась ястребу между крыльями как раз в ту минуту, когда отчаявшийся жаворонок припал к земле и спрятал голову, ожидая смертельного удара. Ястреб заметался в ужасе от неожиданного нападения. И вдруг, вскинувшись подобно дикому коню, он сбросил пустельгу и скрылся в лесной чаще, а пустельга вернулась назад, изредка испуская громкий клич, наверное извещая друзей о своей победе.

– Ну и молодец! – сказал Сэм с искренним восторгом.

Это вывело Яна из оцепенения. Восхищенный бесстраш-

ной птицей, мальчик был погружен в глубокое молчание.

Впереди на дороге прыгал воробей. Когда Сэм и Ян нагоняли его, он взлетал, мелькая белыми перышками на хвосте, и снова садился впереди мальчиков.

– Это трясогузка, – заметил Сэм.

– Нет, воробей! – сказал Ян, удивившись, что тот ошибся.

– Может быть, – не стал спорить Сэм.

– А говорил, что знаешь всех птиц в округе! – вспомнил Ян их первый разговор.

– Я просто похвастался. Хотел, чтобы ты считал меня необыкновенным парнем, – сознался Сэм. – Ты ведь так и думал сначала.

Дятел в красной шапке, гоняясь за лимонницей, уселся на забор и оглядывал мальчиков. Лучи заходящего солнца на ярком оперении дятла, сиреневая изгородь и желтая бабочка – все это пышное сочетание красок очень нравилось Яну.

Солнце село, но в этот необыкновенно тихий и теплый вечер откуда-то с вяза долго еще лилась звонкая песня малиновки.

– Я бы остался здесь навсегда, – сказал Ян и слегка вздрогнул, вспомнив, с какой неохотой он ехал в Сэнгер.

Мальчики в молчании шли по дороге, каждый погруженный в свои мысли.

Сапоги были готовы. Сэм перекинул их через плечо, и мальчики тронулись в обратный путь.

И тут над их головами раздалось громкое, но нежное «гу-

ху-ху-ху», словно где-то в вышине ворковал огромный голубь. Мальчики остановились, и Сэм шепнул:

– Большая сова.

Сердце Яна затрепетало от радости. Он много читал об этих птицах, даже видел живых в клетке, но здесь он впервые услышал крик настоящей совы.

Было уже совсем темно, но отовсюду неслись звуки: лесная жизнь шла своим чередом. В чаще тянул свою песню козодой, квакали лягушки, с заболоченного озера докатился странный крик, напоминавший смех. Вдруг в лесу раздалось громкое, пронзительное: «Уа-уа-уа-уа-уа!»

– Слышал? – воскликнул Сэм.

И снова, на этот раз гораздо ближе, прокатился дрожащий звук, резкий, непохожий на птичьи голоса.

– Енот, – прошептал Сэм. – Вот уберут хлеба, придем сюда поохотиться.

– Здорово! – обрадовался Ян. – Как жаль, что нельзя сейчас! Я никогда не охотился на енотов, да и вообще ни разу не был на охоте. А зачем ждать до осени?

– Сейчас не найти их. А тогда только скажешь: «Я и моя собака встретим енота у ближнего амбара», – и вот посмотришь, так оно и получится.

– Но они ведь совсем рядом! Слушай, еще один!

– Вот и ошибаешься! – сказал Сэм. – Даже охотники путают. Сейчас кричала сова-сипуха. Ее голос мягче, чем у енота, и свистящий...

Ян тут же понял, каким неистовым казался крик енота по сравнению с этим нежным, мелодичным звуком.

Когда мальчики подошли ближе к дереву, откуда кричала сова, что-то серое бесшумно пролетело над их головами, на миг заслонив собой звездное небо.

– Вот она! – прошептал Сэм. – Сипуха! И совсем она не сипит, верно ведь?

– Вот бы поохотиться на енота! – снова сказал Ян.

– Можно попробовать, если тебе так хочется, – ответил Сэм. – А животных я знаю больше, чем птиц, – продолжал он. – Попрошу отца как-нибудь пойти вместе с нами. Может, мы нападём на след оленя, если уйти отсюда миль за десять, на Дальнее болото. Жалко, что отец поссорился с Калобом, – он-то все места знает! Его старая гончая поймала столько енотов, что и не сосчитаешь!

– Ну, если это во всей округе единственная собака, которая ловит енотов, я берусь ее достать! – заявил Ян.

– Верю! – восхищенно сказал Сэм.

Было десять часов, когда мальчики вернулись домой. Все спали, кроме мистера Рафтена. На следующее утро, придя в сарай, мальчики увидели, что Си Ли пришил дымовые клапаны, переделал самые неудачные заплатки и подрубил весь низ крыши.

Мальчики сразу отнесли крышку в лес. Когда они подходили к кустарнику, стоявшему стеной около реки, Ян сказал:

– Давай оставим метки на дороге для Калеба.

– Ладно. Делай зарубки на деревьях через каждые несколько ярдов.⁶

– Так? – спросил Ян, надрубив ствол в трех местах.

– Нет, – покачал головой Сэм, – это получилась «метка охотника» для капканов, а «метка дороги» делается на обеих сторонах дерева. Тогда ее увидишь и при возвращении. А если этой тропой ходят ночью, зарубки надо сделать поглубже.

⁶ ярд – единица длины, равная примерно 91 см

VIII. Священный огонь

– «Десять крепких шестов и два длинных тонких», – читал Ян вслух свою запись.

Шесты были тут же срублены и принесены к месту постройки.

– «Связать их вместе с покрывкой...» Связать, а чем? Он говорил, сыромятным ремнем, и еще говорил, что покрывка должна быть из шкур. Придется нам взять простую веревку. – Ян несколько смутился от своей уступки.

– Я так и знал, – не спеша проговорил Сэм, – поэтому захватил моток веревки, только не решился сказать тебе дома.

Мальчики прочно связали треножник и укрепили его в земле. Девять шестов аккуратно вбили по кругу. Последний, с покрывкой, привязанной к нему за выступ между клапанами, поставили против двери. Теперь потребовались соединительные булавки. Ян хотел сделать их из побегов орешника, но мягкое дерево не годилось для этого. Сэм сказал:

– Булавки надо делать из белого дуба.

Сэм расколол дубовое полено, потом половинки снова расщепил на две части, и так до тех пор, пока не получились тонкие лучинки, которые можно было обстругать ножом. Ян тоже взялся за топор.

– Не так! – сказал Сэм. – Старайся попасть в самую середину, а то топор пойдет криво. Будешь колоть всю зиму –

научишься.

Мальчики сделали десяток колышков и воткнули в заранее приготовленные для этого дырки. Получилось красиво, потому что все колышки были одинаковой формы. Теперь оставалось только закрепить покрывку кольями внизу.

– Сделай десяток дубовых колышков длиной в дюйм и шириной в четверть дюйма, – сказал Сэм Яну.

Затем он отрезал от веревки десяток концов по два фута длиной и, продев их в дырки на краю покрывки, завязал каждую узлом. Десять петелек, накинутах на колья, крепко прихватили типи к земле. Наконец все было окончено.

И вот пришел черед самой торжественной минуте – оставалось зажечь первый костер. Мальчики испытывали те же чувства, что и настоящие индейцы: ведь освещение новой типи всегда считалось актом глубочайшей важности и значения.

– Лучше не спешить, чтобы костер не потух, – сказал Сэм. – Плохо, если не зажжем с первой спички.

– Еще бы! – поддержал его Ян. – Эх, Сэм, если бы нам удалось добыть огонь трением!

– Эй, ребята! – послышался за спиной голос. Мальчики обернулись. Перед ними стоял Калев. Он подошел поближе и кивнул:

– Построили типи, да? Неплохо. Только зачем вы ее к западу повернули?

– Чтобы на речку смотрела, – ответил Ян.

– Забыл вам сказать, – начал Кaleb, – индейцы всегда ставят типи лицом на восток. Во-первых, утреннее солнце падает внутрь, а потом, ветер чаще дует с запада, и от этого тяга лучше.

– А если ветер с востока, как во время дождей? – спросил Сэм.

– Когда ветер восточный, – сказал Кaleb, ни к кому не обращаясь, словно ему и не задавали вопроса, – нужно натянуть туго клапаны один на другой, вот так. – И Кaleb скрестил на груди руки. – Дождь ни за что не попадет тогда, а если при этом нет тяги, надо приподнять слегка край покрывки около двери. Потом помните: никогда не ставьте типи под деревьями. Это опасно: во время грозы в них может ударить молния. И после дождя с деревьев часами капает. Выбирайте для типи самое солнечное место.

– Мистер Кларк, вы когда-нибудь видели, как индейцы добывали огонь из дерева?

– Конечно. Но теперь индейцы пользуются спичками. А раньше часто видел.

– А это долго? Трудно?

– Не трудно, когда знаешь, что к чему...

– Эх, разжечь бы так первый костер! – с жаром воскликнул Ян. – А вы можете добыть огонь таким способом?

– Да, – ответил старик, – только надо особое дерево. Не всякое годится. Индейцы, живущие на равнине, берут корень виргинского тополя, а горные индейцы пользуются липой,

кедром, серебристой сосной или пихтой. Легче всего устроить бурав. Найдется у вас кусок оленьей кожи?

– Нет.

– Или просто полоска мягкой кожи?

– Ремешки от моих башмаков не пригодятся? – спросил

Ян.

– Тонковаты... Но мы сложим их вдвое. Тогда все в порядке. Веревка сгодилась бы, да она быстро перетирается. – Калев взял ремешки и сказал: – Найдите мне небольшой камень с ямкой посередине.

Мальчики пошли к реке, а Калев – в лес. Скоро он вернулся с плоским обрубком сухой пихты и кольшком из того же дерева. Он принес еще слегка согнутую палку в три фута длиной, немного соснового трута и сухого кедра.

Кольшек имел восьмигранную форму, «чтобы держался ремень», как объяснил Калев. С обоих концов он был заострен. Калев привязал ремешок к выгнутой палке, как тетиву к луку, но свободно, так что можно было еще раз обернуть вокруг кольшка и натянуть как следует. Плоский кусок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку и затем над ней кончиком ножа вырезал маленькое углубление.

Из куска кедра Калев настругал много стружек. Вырыв в земле ямку, он опустил туда трут и накрыл пихтовой дощечкой. В углубление, сделанное на ней, Калев вставил кончик кольшка, а на верхнее острие надел камень, принесенный с речки. Крепко держа камень левой рукой, Калев принялся

равномерно двигать лук по кругу. Кольшек начал вращаться, и через несколько секунд бурая пыль посыпалась из-под него прямо в ямку с трутом. Выемка росла, древесная пыль все темнела. Кaleb сильнее нажал левой рукой на камень, и его правая рука заработала еще быстрее. Из-под кольшка маленькими кольцами стал куриться дымок. Увидев это, Кaleb откинул лук и стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре посреди типи затрещал первый костер.

Лицо старика светилось от удовольствия. Ян и Сэм были счастливы.

IX. Лук и стрелы

– Твое оружие никуда не годится, – сказал Ян, когда они с Сэмом однажды стреляли в саду из лука. – Оно похоже на мой первый лук, который я смастерил в детстве.

– Ну что ж, дедушка, посмотрим, какой ты теперь сделаешь! – засмеялся Сэм.

– Во-первых, он будет раз в пять тяжелее.

– Ты его не поднимешь!

– Стрелу держи по-другому, тогда получится. Прошлой зимой я прочел одну книгу и теперь знаю, как надо. Ты зажимаешь стрелу и слабо натягиваешь лук. Продень пальцы под тетиву – вот тогда сможешь натянуть в пять раз сильнее! Так делают индейцы.

– Очень неудобно! – Сэм попытался натянуть по-новому тетиву.

– С непривычки, конечно, неудобно! Потом, вырез на стреле делают глубже. Я хочу сделать настоящий, хороший лук и много стрел. С одной стрелой ходить опасно.

– Ну что ж, попробуй. А в книжке сказано, из какого дерева лучше делать?

– Лучше всего испанский тис.

– Первый раз слышу!

– Можно из орегонского тиса тоже.

– Никогда не слышал.

– Здесь, похоже, найдется красный кедр, орешник или вяз?

– Красного кедра никогда не видел, а остальные есть.

– Надо раздобыть сухое дерево, срубленное зимой.

– Это подойдет? – спросил Сэм, показывая на кучу ореховых палок, лежавших на полу хижины. – Их срубили года два назад.

Мальчики отобрали хорошую палку в пять футов длиной. Сэм расколол ее на две части и обтесал. Он искусно владел топором и ножиком, и скоро оба лука были готовы.

Теперь надо было наладить тетиву. Все веревки, которые им удалось найти, были слишком слабы и рвались после нескольких выстрелов. Узнав, в чем дело, Си Ли послал мальчиков к сапожнику за дратвой и воском. Он разрезал дратву на несколько кусков, слегка навошил их и сплел не слишком толстую веревку.

– Вот эта тетива не скоро лопнет, – сказал Си Ли. Когда луки были готовы, мальчики покрыли их лаком, который нашли среди всяких красок.

– Да, на старый лук и смотреть не хочется! – сказал Сэм, сравнивая новое оружие со своим маленьким жалким обручем. – Вы знаете, как надо делать стрелы, мистер? – спросил он, пробуя выстрелить из нового лука старой стрелой.

– Я только знаю, что у тебя в руках плохая стрела, – ответил Си Ли. – Поверь мне, хорошую стрелу сделать гораздо труднее, чем лук. У каждого из вас должно быть по двена-

дцать стрел.

– А как индейцы их делают?

– Чаще всего они берут прямые ветви гордовины. Но этого дерева я здесь не видел. Стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь вкривь и вкось. Не зря ведь говорят: «Прямая, как стрела!» Мы можем сделать получше, чем у индейцев, у нас ведь хорошие инструменты. Можно смастерить стрелы из какого-нибудь крепкого дерева.

– Ну, опять назовешь растение, которое ни один белый человек в глаза не видел!

– Вот и не угадал! Для охотничьих стрел лучше взять ясень или орешник. Стрелять по мишени лучше стрелами из серебристой сосны. Какие будем делать?

– Я охотник! Мне нужны охотничьи стрелы.

– Нужно заготовить палочки сухого ясеня в двадцать пять дюймов длины. Потом надо клей и перья.

– Вот тебе перья, – сказал Сэм и вытащил целую связку индюшиных крыльев, отложенных для чистки печей. – А я пока наколю палочек.

Взяв ясеневое полено, Сэм наколол из него две дюжины палочек. Ян начал обтачивать ножом одну из них, но Сэм, посмотрев на его работу, сказал:

– Я лучше сделаю, – и, взяв остальные, стал обстругивать их рубанком на верстаке.

Ян с тревогой следил за ним и потом не выдержал:

– Но у индейцев же нет рубанков!

– Как и перочинных ножей! – последовал ответ.

Это была правда. И все же Ян не переставал думать о том, что когда-нибудь осуществит свою мечту: сделает стрелы, как индейцы без всякого инструмента.

– Все-таки у индейцев вместо перочинных ножей были острые кремни.

– Хорошо, Ян, ты делай стрелы острыми камнями, вон на дороге их сколько хочешь валяется. Сними башмаки и пройдишь босиком – сразу найдешь! А я уж рубанком доделаю. Посмотрим, кто кого перегонит.

Сэм успел выстругать шесть отличнейших стрел, пока Ян все еще возился с первой.

– Какие наконечники поставим? – спросил Сэм.

– Я уже думал, – сказал Ян. – Индейцы прикручивают жилами каменные наконечники. Но у нас ничего этого нет. Остается сделать костяные или роговые. Я как-то выточил один из кости, но она оказалась очень ломкой. Потом брал большие гвозди с обломанными шляпками, а чтобы стрелы не расщеплялись, я обкручивал концы тонкой проволокой. Некоторые индейцы вообще не делают наконечников: просто обжигают стрелу, чтобы она стала тверже, и заостряют конец.

– Это нетрудно, – сказал Сэм. – Но давай лучше попробуем с гвоздями.

Мальчики сделали шесть стрел с наконечниками из заточенных гвоздей. Это были «боевые» стрелы. Шесть других

они обожгли и просто заострили; эти предназначались для охоты.

Затем Ян показал Сэму, как расщепить перо и отделить бородку.

– Нам нужно по два пера на стрелу – значит, сорок восемь перьев, – сказал Сэм.

– Нет, – сказал Ян, – этого мало. Надо по три пера на стрелу. И помни, что на каждую стрелу нужны перья с одного крыла птицы.

– Я знаю. Не годится смешивать перья, а то стрела полетит не в ту сторону.

В это время к мальчикам подошел Си Ли.

– Ну, как ваши дела? – спросил он.

– Возимся со стрелами.

– А как перья закрепляете?

– Белые приклеивают их, индейцы прикручивают жилами, – ответил Ян, цитируя по памяти «ту книгу».

– А что лучше?

– Приклеенные лучше летят, а прикрученные зато не боятся сырой погоды.

– Так почему бы не сделать и то и другое?

– Нет жил.

– Давайте я покажу! – сказал Си Ли. – Где у вас клей и веревка? Я думаю, сначала надо сделать на стреле выемку.

– Верно! Мы уж и позабыли про это!

– Может, ты позабыл, – сказал Сэм важно, – я-то помню.

Перочинным ножом быстро сделали выемку, и Си Ли начал клеить и прикручивать, употребляя вместо жил навощенную нитку.

Когда все было сделано, стрелы аккуратно разложили для просушки.

Чтобы легче различить их, Ян выкрасил стрелы Сэма в красный цвет с синими полосками, а свои – в красный с белыми полосками. Теперь оставалось только сделать колчан.

– Разве у индейцев есть колчаны? – схитрил Сэм, которому уже хотелось поскорее кончить эту трудную работу.

– Конечно! Как же без них? – воскликнул Ян.

– А из чего они делаются? – спросил Сэм.

– Из березовой коры, из шкур, а если уже ничего другого нет, то из брезента.

Мальчики сшили себе колчаны из обрезков брезента. На каждом из них Ян нарисовал индейские узоры.

– Теперь попробуем наше оружие, – сказал Сэм.

И мальчики отправились в сад. Они нацелились в одно дерево, и оба промахнулись. Стрела Сэма вонзилась в ствол другого дерева и треснула.

– Лучше бы мы стреляли в мягкое! – расстроился Сэм.

Посоветовавшись, они раздобыли большой старый мешок из-под зерна, набили его сеном и, нарисовав несколько колец вокруг бычьего, или, как сказал Сэм, бизоньего, глаза, поставили на расстоянии двадцати ярдов. Но, к их разочарованию, стрелы все время отлетали влево.

– Пойдем в сарай, может, там у нас получится, – предложил Сэм.

У Яна были выписки из «той книги», как стрелять из лука. Когда мальчики выучили правила настолько, что не думали о них, выстрелы их стали меткими. Отодвигая мишень, они вскоре уже без промаха стреляли на сорок ярдов.

Мальчики очень удивились, заметив, что стрелы, хотя и казались одинаковыми, имели каждая свой характер. Так, у Сэма была одна стрела, которая в полете описывала замысловатые зигзаги. Они прозвали эту стрелу «Бумеранг». Другая, с коротким перышком, летела дальше всех и получила прозвище «Дальнобойная». Самую лучшую стрелу, с легким наконечником и длинным индюшиным пером, Сэм окрестил «Верная смерть». Была еще одна стрела, с маленьким перышком, не боявшаяся ветра. Ее имя было «Ветерок».

Ту, которую Ян вырезал ножиком, прозвали «Резная» или «Шутница». Эта стрела оставалась загадкой: никто не знал, как она полетит в следующий раз. Но любимицей Яна была стрела с желобком вокруг наконечника. Ее называли «Свисток», потому что она летала с удивительным свистом.

Х. Плотина

Однажды жарким днем в начале июля, когда мальчики купались в обмелевшей реке, Сэм сказал:

– Воды в речке поубавилось. Она каждое лето пересыхает.

– А почему нам не сделать плотину? – предложил Ян.

– Ну, работы не оберешься...

– Вот еще! Зато все лето купались бы. Давай начнем, а?

– Первый раз слышу, чтобы индейцы устраивали плотины.

– А мы будем играть в бобров, пока строим! Смотри, это для начала, – сказал Ян и, взяв большой камень, подтащил его к тому месту, которое показалось ему самым узким.

Он так горячо взялся за работу, что скоро поперек русла возвышалась уже каменная стенка.

Сэм по-прежнему сидел на берегу, обхватив ноги и уткнувшись подбородком в колени. Боевая раскраска стекала красными и голубыми ручейками по его груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.